

СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ

*Парижские мальчики
в сталинской
Москве*

СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ

*Парижские
мальчики
в сталинской
Москве*

Документальный роман

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 94(477)18”
ББК 63.3(2Ук)46
Б45

Художественное оформление АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В издании использованы фотографии из собрания Дома-музея Марины Цветаевой, РГАЛИ, ГМИРЛИ имени В.И.Даля, Мультимедиа Арт Музея “Московский дом фотографии”, а также из архивов Натальи Сеземан и Марины Мошанской (Сеземан), Никиты Кривошеина, Александра Лаврентьева, Натальи Евзерихиной-Ратниковой и Марии Жотиковой

Беляков, Сергей Станиславович.

Б45 Парижские мальчики в сталинской Москве : документальный роман / СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. — 668, [4] с.

ISBN 978-5-17-132830-6

Сергей Беляков — историк и писатель, автор книг “Гумилев сын Гумилева”, “Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя”, “Весна народов. Русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой”, дважды лауреат премии “Большая книга”, финалист премий “Национальный бестселлер” и “Ясная Поляна”.

Сын Марины Цветаевой Георгий Эфрон, более известный под домашним именем “Мур”, родился в Чехии, вырос во Франции, но считал себя русским. Однако в предвоенной Москве одноклассники, приятели, девушки видели в нем — иностранца, парижского мальчика. “Парижским мальчиком” был и друг Мура, Дмитрий Сеземан, в это же время приехавший с родителями в Москву. Жизнь друзей в СССР кажется чередой несчастий: аресты и гибель близких, бездомье, эвакуация, голод, фронт, где один из них будет ранен, а другой погибнет... Но в их московской жизни были и счастливые дни. Сталинская Москва — сияющая витрина Советского Союза. По новым широким улицам мчатся “линкольны”, “паккарды” и ЗИСы, в Елисеевском продают деликатесы: от черной икры и крабов до рокфора... Эйзенштейн ставит “Валькирию” в Большом театре, в Камерном идёт “Мадам Бовари” Таирова, для москвичей играют джазмены Эдди Рознера, Александра Цфасмана и Леонида Утесова, а учителя танцев зарабатывают больше инженеров и врачей... Станный, жестокий, но яркий мир, где утром шли в приемную НКВД с передачей для арестованных родных, а вечером сидели в ресторане “Националь” или слушали Святослава Рихтера в Зале Чайковского.

УДК 94(477)18”
ББК 63.3(2Ук)46

ISBN 978-5-17-132830-6

© Беляков С.С., текст
© Бондаренко А.Л., оформление
© ООО “Издательство АСТ”

Содержание

Вместо предисловия

7

Парижские мальчики в сталинской Москве

9

Благодарности

595

Оглавление

597

ПРИМЕЧАНИЯ

603

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

641

БИБЛИОГРАФИЯ

643

Вместо предисловия

1976 год. Париж. Советский переводчик Дмитрий Сеземан, приехавший по туристической визе, попросил политического убежища. Таких, как он, в СССР называли невозвращенцами. Только к Дмитрию Сеземану это слово совсем не подходило. Да и политических мотивов в его поступке не было. Дмитрий Васильевич не сбежал. Он вернулся в родную страну. В город, где он вырос, где прошло его детство. Скоро он даст интервью для “Радио Свобода”.

ДМИТРИЙ СЕЗЕМАН: Я вот тут как-то спросил у парижанина: “Знаете ли вы, чем пахнет парижское метро?” И сам ответил ему: “Нет, вы не знаете, чем пахнет парижское метро. А я этот запах парижского метро 40 лет хранил и 40 лет помнил”.¹

Он уехал в Советский Союз вместе с мамой, Ниной Николаевной, в 1937 году. А через два года, в июне 1939-го, Марина Ивановна Цветаева увезла в Советский Союз своего сына Георгия, которого чаще называли домашним именем Мур. Мур и Дмитрий станут друзьями, будут вместе гулять по предвоенной сталинской Москве и вспоминать оставленный ими Париж. Оба со временем захотят вернуться во Францию.

Я хотел сделать друзей героями этой книги, поэтому и назвал ее “Парижские мальчики”, а не “Парижский мальчик”. И Дмитрий, и его брат Алексей Сеземан вполне достойны этого. Увы, Алексей не оставил ни дневников, ни воспоминаний. Дми-

трий до января 1941-го вел дневник одновременно с Муром, но потом бросил*. Вести дневник в те годы — смертельный риск. При аресте он мог стать опасной уликой, неосторожная фраза утяжелила бы приговор. Дмитрий был совершенно прав. Только вот мы лишились ценнейшего источника, незаменимого.

Полвека спустя Сеземан напишет воспоминания на русском и на французском, даст несколько интереснейших интервью, но они не могут заменить настоящего интимного дневника. Их автор — немолодой человек. Он охотно пишет о России и Европе, о Петре Великом и о значении свободы для русской аристократии, но до обидного мало — о себе самом в пятнадцать лет. И нам не узнать, что думал, что чувствовал, от чего страдал юный Митя Сеземан. А Георгий Эфрон несколько лет старательно записывал свои мысли, чувства, пусть и мимолетные, с потрясающей откровенностью рассказывал о самых интимных и даже постыдных желаниях и поступках. К своему дневнику он относился чрезвычайно серьезно, полюбил его, как любят самые близкие, дорогие вещи, как некоторые писатели любят свои лучшие книги. “Мой милый, любимый дневник”, — запишет Мур осенью 1941-го, в то время совершенно одинокий. И теперь из дневниковых записей и писем, из воспоминаний других людей, из множества источников, что хранятся в государственных и личных архивах, можно воссоздать образ настоящего, почти живого Мура. Воскресить его для этой книги.

А название я все-таки менять не стал. Мур был одним из парижских мальчиков. В его чертах мы находим не только особенное, индивидуальное, но и общее, что объединяет несколько человек. Советских людей по гражданству. Русских по рождению. Французов по воспитанию и культуре. Если бы сын Цветаевой дожил до 1976 года, он, вероятно, составил бы компанию своему “другу Мите” и вернулся бы в Париж. Но жизнь Мура сложилась иначе.

* Запись в дневнике Георгия Эфрона: “Митяка <...> перестал писать дневник, опасаясь, чтобы этот дневник не попал в руки наркомвнудела”. См.: *Эфрон Г.С. Дневники*. М.: Вагриус, 2005. Т. 1. С. 276.

Дневник Дмитрия Сеземана не сохранился.

Воскресное дитя

Вечером 31 января 1925 года в деревню Горни Мокропсы к тридцатилетнему доктору Григорию Исааковичу Альтшуллеру прибежал чешский мальчик: “Пани Цветаева хочет, чтобы вы немедленно к ней пришли, у нее уже схватки! Вам следует поторопиться, это уже началось”. Цветаева жила в соседней деревне Вшеноры, где были и чешский доктор, и повивальная бабка. Но доктор куда-то отлучился, а повивальная бабка принимала роды у другой женщины. И Цветаева послала за доктором Альтшуллером, с которым познакомилась несколько месяцев назад и предсказала, что именно он будет принимать ее ребенка.

Был сильнейший снегопад с метелью. Альтшуллер напишет в своих воспоминаниях о “яростной буре”, о суровой зиме в окрестностях Праги, о густом заснеженном лесе, что отделял Горни Мокропсы от Вшенор. Григорий Исаакович вырос в Ялте, оттого мягкая европейская зима казалась ему холодной, а волшебная метель — страшной бурей. Он пошел не по дороге, а как раз через лес, чтобы сократить путь. В комнате у Цветаевой горела единственная электрическая лампочка. В одном углу комнаты были сложены кипы книг, едва ли не до потолка. Другой угол был завален мусором: “Марина лежала на постели, пуская кольца дыма, — ребенок уже выходил. Она весело меня поприветствовала: «Вы почти опоздали!» Я оглядел комнату в поисках какой-нибудь чистой ткани и кусочка мыла. Не оказалось ничего: ни чистого носового платка, ни тряпки. Марина лежала в кровати, курила и говорила, улыбаясь: «Я же сказала вам, что вы будете

принимать* моего ребенка. Вы пришли — и теперь это не мое, а ваше дело»².

Мальчик родился воскресным утром (по словам Цветаевой — “в полдень, в снежный вихрь”) 1 февраля 1925 года. *Sonntagskind* — воскресное дитя.

Имя ребенок получил в честь святого Георгия, покровителя Москвы, любимого и родного города Цветаевой. Но она чаще звала мальчика Муром: “Георгий — Барсик — Мур. Всё вело к Муру. Во-первых, в родстве с моим именем, во-вторых — *Kater Murr* — Германия**, в-третьих, само, вне символики, как утро в комнату”³.

Очень скоро возник слух, будто бы отцом мальчика был не законный муж Сергей Эфрон, а Константин Родзевич. Его роман с Цветаевой не был тайной. Но Родзевич сына не признал, а Эфрон и признал, и полюбил всей душой: “Очаровательнее мальчика, чем наш Мур, не видел. Живой, как ртуть, — ласковый, с милым лукавством, в белых кудряшках и с большими синими глазами”⁴. Цветаева, по ее словам, “рассчитала”, что отец — Сергей Яковлевич. Ей, конечно, виднее. Есть известная фотография, где рядом с подросшим Георгием стоят оба, Константин Родзевич и Сергей Эфрон. На кого похож мальчик? Он похож на Марину Цветаеву. “Марин Цветаев”, — называл сына Сергей Эфрон. “Молодая, розовощекая, стройная Марина в брюках”⁵, — позже скажет о мальчике Елизавета Тараховская***.

Именно внешность Мура более всего поражала окружающих. Он очень быстро рос, просто стремительно. В три года выглядел лет на шесть-семь. В четыре — на восемь. В шесть — на двенадцать. По словам Цветаевой, в четыре с половиной года он

* Альтшуллер принимал роды не один. Ему помогала Валентина Чирикова, жена писателя Евгения Чирикова, жившая неподалеку.

** Имеется в виду кот Мурр — герой романа Гофмана “*Lebens-Ansichten des Katers Murr*” (“Житейские воззрения кота Мурра”).

*** Елизавета Тараховская (1891–1968) — писательница и переводчица, сестра Софьи Парнок, интимной подруги Марины Цветаевой.

весил тридцать три килограмма. Марина Ивановна покупала вещи как на двенадцатилетнего. “Мур стал громадным мальчиком”⁶, — восхищался трехлетним сыном Сергей Яковлевич.

Меня более всего удивляет пляжная фотография, сделанная летом 1935-го. Муру десять с половиной лет, но кажется, будто он лишь немногим моложе сорокадвухлетней Марины Ивановны. Лет тридцать ему можно дать вполне уверенно. Маленький Мур даже несколько пугал окружающих. В детстве он был к тому же “страшно толстым” и очень серьезным. Вера Трейл писала, будто ни разу не видела, чтобы мальчик улыбался, — и это за все двенадцать лет знакомства с ребенком! Семнадцатилетняя Вера Андреева робела перед трехлетним Муром: “Мне он казался чуть ли не стариком, — он спокойно и уверенно вмешивался в разговор взрослых. Употребляя совершенно кстати и всегда правильно умные иностранные слова «рентабельно», «я констатировал», «декаденты»”, — вспоминала она. “Жирное, надменно-равнодушное лицо” мальчика, его кудри, ниспадавшие “на высокий лоб, прекрасного ясно-голубого цвета глаза спокойно и не по-детски мудро” глядевшие на окружающих, почему-то ассоциировались у Андреевой с одним из римских императоров эпохи упадка. А именно — с Каракаллой⁷. Когда читаешь о детстве Мура и смотришь на его фотографии, невольно вспоминаются герои Франсуа Рабле. Кажется, что на следующей странице Мур, подобно юному Гаргантюа, сорвет колокола с башен *Notre-Dame de Paris*, чтобы использовать их вместо колокольчиков. Среди сверстников он кажется настоящим великаном, существом другого вида.

Цветаева сравнивала Мура с любимым Наполеоном, с римским королем Наполеоном II (сыном Наполеона I Бонапарта) — и с... Бенито Муссолини. Для нас такой ассоциативный ряд будет странным, но в конце двадцатых такое сравнение еще не казалось ни оскорбительным, ни опасным.

Родители видели в нем русского, только русского мальчика: “Мой сын — замечательный сын. <...> Всё время требует, чтобы

его везли в Россию. Французов презирает”, — писал Сергей Яковлевич 27 апреля 1929 года. Но Муру — всего четыре года. Как и в чем могло проявиться его “презрение” к французам, что так обрадовало папу? Ведь Мур был с детства билингом*. По словам Цветаевой, его никто не учил французскому. Он сам заговорил по-французски, что и неудивительно: семья переехала в Париж, когда мальчику было девять месяцев. Стихия французского языка, французской жизни окружала его с детства. Как бы ни старалась Цветаева изолировать сына от внешнего мира (она мечтала жить с ним на необитаемом острове), но жизнь взяла свое. Он рос русским французом. Останься он во Франции, был бы ничем не хуже своих сверстников. Но судьбу парижского мальчика предешит его русский отец.

Офицер Русской армии

Сергей Эфрон никогда не был всего лишь тенью своей гениальной жены. Напротив, именно его выбор, его вера, его любовь, его иллюзии предопределили судьбу всей семьи. Но его собственная судьба, его жизненный путь был изменен, быть может, даже искажен, искривлен.

Самое важное для человека — следовать своему призванию. Найти службу по способностям и по сердцу. Работу, для которой создан. С тех пор как в 1911 году в Коктебеле семнадцатилетний Сережа Эфрон познакомился с восемнадцатилетней Мариной, он был окружен миром литературным и старался найти себе в нем место. Поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Пробовал писать. У него даже получалось. Его воспоминания об октябрьских боях в Москве 1917-го и сейчас читать интересно. И всё же пи-

* Кроме русского и французского Георгий немного знал немецкий и английский. Но родных языков у него было два.

сателем Сергей Эфрон не стал. Не стал он и филологом или историком. Уже в эмиграции решил закончить университетский курс. Тогда в Карловом университете преподавал знаменитый русский ученый Никодим Кондаков* — византист, историк, выдающийся специалист по средневековой иконописи. Кондаков был мировой величиной, в Прагу его пригласил президент Чехословакии Томаш Масарик. Под его руководством Сергей Яковлевич пытался стать специалистом по христианскому средневековому искусству. Докторская (дипломная) работа Сергея Эфрона называется “Иконография Рождества Христова на Востоке”. Пожалуй, трудно было найти специальность менее перспективную для бедного русского эмигранта, к тому же — отца семейства. Медиевистика — сама по себе роскошь, которую может позволить себе далеко не каждый университет.

Ученый-гуманитарий — профессия немассовая. А среди русских эмигрантов шанс заработать на жизнь имели только выдающиеся профессионалы. Помочь могли личное состояние и аристократическое происхождение. Скажем, Петра Савицкого в Пражском немецком университете уважительно называли “фон Завицки”. А Сергей Эфрон не был ни аристократом, ни состоятельным человеком. Ученым-гуманитарием он так и не стал: “Весною я кончил университет, давший мне очень мало. <...> Я не родился человеком науки”⁸, — с горечью признавался Сергей Яковлевич.

В Париже он попробует зарабатывать редактурой. Князь Дмитрий Святополк-Мирский из почтения к Цветаевой возъ-

* Историка окружала небольшая группа учеников. После смерти ученого (его не стало 17 февраля 1925-го) они создали семинар имени Кондакова — знаменитый в узких кругах европейских медиевистов *Seminarium Kondakovianum*. На его собраниях председательствовал Георгий Вернадский. В 1931-м семинар преобразуют в Археологический институт. Существовал этот институт за счет пожертвований. Средств хронически не хватало. Даже выдающиеся специалисты жили небогато и при возможности уезжали туда, где платили больше. Георгий Вернадский отправится преподавать в Йельский университет. Позже уедет и президент института Николай Толль (сначала в Югославию, а затем в США).

мет Сергея Яковлевича секретарем редакции журнала “Вёрсты”, но вскоре признаёт полную его неспособность к редакторской работе: “Эфрон — жопа невероятная”. От нового сотрудника не знали, как избавиться. Еще при подготовке первого номера князь в шутку спрашивал соредактора журнала Петра Сувчинского: “С Эфроном что-нибудь надо сделать. М.б. Арапов <...> мог бы приискать наемного убийцу?”¹⁰ “Вёрсты” закрылись уже после третьего номера. Газета “Евразия”, в которой также работал Сергей Яковлевич, не продержалась и года.

У Эфрона были актерские способности, которые он по мере сил использовал и в двадцатые. Снимался во французском немом кино. Заинтересовался этим новым перспективным искусством. Бродил по Парижу с киноаппаратом. Но Великая депрессия положила конец надеждам. Даже те русские, что в двадцатые годы крепко стояли на ногах, теряли работу. В разгар экономического кризиса рабочих мест не хватало и настоящим французам. Русские со своими нансеновскими паспортами были первыми кандидатами на увольнение: “Здесь пробиваться оч<ень> трудно. Французы отчаянные националисты и на всякого иностранца косятся. <...> Самим французам жрать нечего”¹¹, — писал Сергей своей сестре Елизавете Яковлевне Эфрон.

Если не все, то многие его неудачи — результат неверного выбора профессии. Между тем у Сергея Эфрона было призвание. “Его чрезмерно узкое лицо / Подобно шпаге”, — напишет Цветаева. Ассоциация очень удачная. Он и в самом деле был рожден не для пера, а для шпаги. Но никому из родных и в голову не пришло отдать Сережу Эфрона в кадетский корпус, а позже — в юнкерское училище. Эфроны — революционеры, не служившие государству. К тому же Сергей болел туберкулезом. Даже во время войны его не брали в армию. Но он пошел на фронт санитаром, а в 1917-м окончил Петергофскую школу прапорщиков. Октябрьская революция застала его в Москве: “Кровь бросилась в голову. <...> Я быстро оделся, захватил

в боковой карман шинели небольшой револьвер Ивер и Джонсон* и полетел в полк”¹², — вспоминал Сергей Яковлевич. В городе было несколько десятков тысяч офицеров, но они в большинстве своем не собирались воевать. Читали газеты, обсуждали новости, осуждали кто большевиков, кто свергнутое Временное правительство. Эфрон был одним из немногих, кто встал на защиту законной власти с оружием в руках.

Когда большевики все-таки победят в Москве, они организуют перепись офицеров. Длинная очередь послушных, покорных людей (профессиональных военных!) выстроится у дверей Алексеевского училища в Лефортове. Пospешат зарегистрироваться. Будут отоваривать карточки, перепродавать селедку, выменивать на базаре добротную офицерскую форму на хлеб. И в страхе ждать ареста, цепenea при слове “чека”. А Сергей Яковлевич уйдет воевать на Дон, где генералы Корнилов, Алексеев, Деникин создавали Добровольческую армию. В феврале 1918-го армия отправилась в свой знаменитый, легендарный даже поход на Кубань — Ледяной поход. Шли по заснеженным степям, шинели покрывались ледяной коркой. Население относилось к добровольцам враждебно. Над их патриотизмом смеялись. Почти во всех боях численный перевес был на стороне противника. В поход выступило всего 4500 добровольцев. Первоходники станут легендой Белого движения, его элитой. Лучшие из лучших. Храбрейшие из храбрых. Среди них был и Сергей Эфрон. Он служил в знаменитом Марковском полку, названном в честь генерал-лейтенанта Сергея Леонидовича Маркова, героя Ледяного похода. Маркова еще при жизни называли Богом войны, видели в нем едва ли не нового Скобелева или даже Суворова.

Марк Слоним** и Дмитрий Сеземан называли Сергея Эфрона человеком слабохарактерным. Не могу понять, чем он

* Эфрон имел в виду револьвер Айвера Джонсона — *Iver Johnson*.

** Марк Львович Слоним — редактор, литературный критик, литературовед, публицист, друг Марины Цветаевой, неоднократно помогавший ей и Сергею Яковлевичу.